

Культура. - 1992. - 26 сент. - с. 3.

Интеллигенция сейчас живет плохо, сложно и трудно. Но когда ей жилось легко? Однако до сегодняшних дней у нее была ясность хотя в одном — в ее традиционной оппозиционности к властям. Ярво выражаемой в либеральные периоды российской истории, внутренней и застенной — во времена сталинского тоталитаризма. Неправда, что настоящая интеллигенция поддерживала вакханалию расстрелов и в 1917—1921 годах, и в 1934—1939-м. Я помню хорошо тридцатые годы, помню постоянные разговоры об этом в доме, когда собирались у нас отцовские сослуживцы и одноклассники, представители старого инженерного корпуса. Был страх, но тогда он еще не мешал обмениваться мнениями, и было полное неприятие совершаемого большевиками. Но даже тогда не было панических разговоров о гибели России, которые ведутся сейчас. Не было того апокалипсического мышления, которое охватило сейчас нашу интеллигенцию, когда со страниц газет, с экранов телевидения раздаются вопли о развале государства, о гибели культуры, искусства, литературы. А разве в те времена не гибли культура и литература, причем в застенках Лубянки ставили к стенке самых талантливых, а их места занимали серые посредственности, Лакей. Лакеевичи. Придворовы и прочие будущие лауреаты Сталинских премий и будущие Герои соцтруда. Вот тогда бы рвать на себе волосы и бить в грудь! Но у тогдашней старой интеллигенции еще не ушло из сознания ощущение временности советской власти, возникшее в начале революции. Нормальным людям невозможно было и предположить, что этот чудовищный и кровавый режим может долго продержаться. Только после победы в войне, поднявшей авторитет Сталина на неимоверную высоту, это ощущение пропало и наступила безысходность, продолжавшаяся до смерти тирана.

Сегодня происходит естественная смена политической и общественной формации и такая же естественная переоценка ценностей. Ложные сменяются если не истинными, то во всяком случае более человеческими. Разумеется, наступила «ломка». Мы так долго жили под гипнозом, что будем еще долго выходить из этого бреда. Наше и последующие поколения не делали никакого социалистического выбора, так как родились в этой системе, у нас был единственный выбор — не поддаться гипнозу и остаться внутренне свободными, не став соучастниками творимого. Но многие ли сумели поступить так? Ведь жить в стае всегда легче и спокойнее: она и поддерживает, а иногда вдруг и выберет в вожаки...

К сожалению, наше поколение не оставило почти никаких письменных свидетельств своего отношения к режиму, какие оставили представители старой интеллигенции. Я говорю об опубликованных дневниках Вернадского, Пришвина, Чуковского... А нам еще на фронте наказали: «не вести никаких записей!» Так и блюли приказ всю жизнь, зная, чем это может закончиться, храня все в себе.

Так почему наша интеллигенция оказалась в таком смятении, в таком разброде, в таком, можно сказать, отчаянии и безысходности? Стали хуже жить материально? Да, конечно, это действует удручающе, заботы о хлебе насущном отнимают больше времени и больше сил. Да, многое раздражает: и базар на улицах, и телевизионные презентации с устрицами, и идиотская реклама на телевидении. Многие пускает — и рост преступности, и развал экономики, и бешеная гонка цен, и непредсказуемость будущего, и наступающая безработица, и утрата веры в президента и в правительство... В общем, все прелести так называемого переходного периода, протяженность которого трудно предугадать, — то ли несколько лет, то ли жизнь целого поколения.

Но ведь бывало и хуже, гораздо хуже. Сейчас остались ленинцы, пережившие революцию и гражданскую войну, но наше поколение, тоже уже уходящее, все же помнит и коллективизацию, и голод первой пятилетки, и разгул сталинских репрессий, и тяжелейшую войну, унесшую десятки миллионов, выжившую почти целиком тогдашних мальчишек двадцати годов рождения...

Буквально вчера я получил от военно-поискового отряда «Дозор», возглавляемого Лишиной О. В. и Лишиной А. К., давно знакомыми мною людьми, посвятившими себя святому делу, несколько листов на машинке. В них описана трагедия 915-го стрелкового полка,

воевавшего под Ржевом. Приведу всего несколько строчек из архивного документа — донесения командования полка начштабу 29 армии. Даты — февраль, начало марта 1942 года. «Полк получил пополнение — 400 бойцов, которое в тот же день по приказу командира было введено в бой по овладению д. Тимоново. В результате неподготовленности людей, отсутствия помощи артиллерии и соседей полк понес большие потери — почти полностью полученное пополнение. Противник безнаказанно вел усиленный артиллерийский, минометный и пулеметный огонь с 3—4 основных на-

Вячеслав Кондратьев

СПУСТИТЕСЬ С ОЛИМПА, ГОСПОДА!

правлений. В полку осталось 32 бойца. Полк получил еще пополнение — 196 человек и уже через три дня снова брошен в наступление. В результате в полку осталось 9 человек. 6 февраля — новое наступление... Затем последовал новый приказ о наступлении. В бой отправилось 39 штыков. Задача, конечно, не решена. 24 февраля полк числом 19 штыков с тремя пулеметами и тремя орудиями удерживает оборону около 2 километров. Считаю, что дальше такое положение продолжаться не может, — заканчивает автор свое донесение, — так как в тыловых подразделениях осталось... в саперной роте — 2 человека, в химзвезде — 3, в роте связи — 14».

Для меня, не только видевшего, но и пережившего подобное, однако уже призабывшего тот страшный 1942 год, эти сухие строки донесения оказались неожиданно страшным ударом и болью отдалась в сердце. Вот так наш Верховный «без толку, зазря» (А. Галич) губил цвет нации, вот так бросали нас в бессмысленные, обреченные бои. Вот откуда 40 миллионов загубленных жизней, вот когда был нарушен генетический фонд нации. И что перед этим истеричные вопли неополитиков, бабуринских, исаковых и иже с ними о том, что, дескать, правительство Гайдара губит народ России. Вот когда была подлинная трагедия, размер которой мы тогда не очень-то разумели, одержав пировую победу.

Мне скажут, конечно, что этой ценой сохранили державу. Какую державу? Наводящую ужас на все человечество, создавшую такую массу оружия, что хватит воевать десятилетия, ведь его обилие способствует сейчас национальным войнам, оно же везде, на каждом пятаке нашей земли! Его бы не надо было давать ни Армении, ни Азербайджану, ни Грузии, а Россия его бездумно дала, словно бы не ведала, на что оно пойдет в республиках, где уже бушевали национальные конфликты. Там выбрали из данной им свободы только одну — свободу убивать друг друга. И когда я вижу на экранах телевизоров едущих на танках, радостно помехивающих оружием не юнцов, а уже взрослых мужчин, мне становится страшно. Неужто и правда, как писалось недавно в «МН», человечество пропустило третью мировую войну и накопившаяся агрессивность разряжается сейчас в национальных войнах?

Хочется крикнуть: «Что ты улыбаешься, чему радуешься, ведь ты едешь убивать людей, бывших соседей, бывших товарищей, их жен и детей!» Невольно вспомнилось мне мое стихотворение «Дорога», посланное весной 42-го года на Дальний Восток другу, поэту Илье Лапишу, равшемуся на фронт. Письмо, увы, не заставило его на месте и не смогло удержать. Он вырвался на фронт в январе того же года.

Ты не ходил еще, товарищ, по дорогам,
По которым прошла война,
По которым в молчании
строгом
Трое суток идем мы без сна.

Ты не знаешь, как в пургу метельную
На привалах мы валимся в снег...

И какую тоску беспредельную
На войну несет человек.

Так и кажется — эта дорога —
Твой последний предсмертный путь...

Нет, не улыбались мы, не радовались... Я, написавший это через три месяца после незабываемого трехночного марша на войну, могу с уверенностью сказать, что именно такие чувства испытывали мы на той дороге.

Прошу простить меня, что, затронув события пятидесятилетней давности, я невольно коснулся и сегодняшних национальных войн. Итак, возвращаясь к нашей российской интеллигенции, которую, кроме всего прочего, несомненно травмируют появившиеся в последнее время многочисленные журнальные и газетные статьи, толкующие о ее «закате», о том, что сыграла она, дескать, в истории роль разрушительную, развалив сперва Российскую империю, а затем и коммунистическую, негде-то у нее ни национальной идеи, ни государственной, что в деле создания она всегда была импотентна, а потому пришла пора и по ней «справлять поминки», как и по русской и советской литературе... Ну и нынче интеллигенция продолжает действовать в том же сокрушительном духе и вместо того, чтоб объединиться и мощно поддержать демократические и экономические преобразования, разбилась на многочисленные, но малочисленные группы, враждующие друг с другом.

Что касается роли русской интеллигенции в сокрушении Российской империи, то, думаю, она сильно преувеличивается. Русский философ Г. Федотов в своей давней статье «Трагедия русской интеллигенции» говорил, что «очень значительная часть русской интеллигенции и не помывляла о революции». Развалилась царская Россия почти мгновенно, и восстановление государства большевикам стоило океана народной крови.

Несомненно, ее будет много больше, если вздумаем сейчас восстанавливать Союз, ведь к винтовкам Мосина, пулеметам «Максим» и кавалерийским сабелям, которыми действовали тогда, прибавятся танки, самолеты, ракеты «Алазань», которые в состоянии вообще уничтожить народ России и народы республик. Странно, что не желают понимать этого те, кто призывает к восстановлению Союза.

Думаю, совершенно несостоятельны и упреки в импотенции русской интеллигенции. Кто же тогда развивал науку, культуру и искусство, промышленность и технику в дореволюционной России, как не она? И как бы ни лестно было полагать, что советская интеллигенция явилась решающей силой в разрушении коммунистического монстра, я бы обозначил ее роль как довольно скромную. Способствовала, может, да, но не более. Не вижу я что-то особо рьяных борцов против системы среди так называемых шестидесятников, восшедших и невосшедших сейчас на Олимп. Были они в своем большинстве членами партии, кое-кто и Академию общественных наук окончил, а она в те времена была некоей стартовой площадкой к должностям и к карьере. Только не очень-то допускала их старая номенклатура к пирогу, были они «шибко грамотными», как говаривал мой политрук насчет бойцов, имеющих среднее или высшее образование, а потому доверия к ним не было, вот и фрондировали помаленьку... Нет, не они расшатали систему.

Надо признать, что решающими оказались потрясающая

неэффективность экономики, технологическое отставание от Запада, грозившее нарушением военного паритета. Это и подвигло Горбачева и партию на перестройку. Да и вообще, видимо, подошло время — на пороге нового века тоталитарные режимы превратились в явный исторический анахронизм. И идеологически, и экономически. И это понял весь мир. Об этом, кстати, неплохо бы задуматься нашим некоммунистическим партиям, пытающимся оживить разлагающийся труп.

Помню, Сталин в войну сказал: «Пройдет еще годик-два, и фашистская Германия рухнет под тяжестью своих преступлений», не предполагая,

наверное, что и его режим рухнет под тяжестью еще больших преступлений. С большим опозданием так оно и случилось. И этот тяжкий груз, по-моему, навеки похоронил коммунистическую идею. Идею-то похоронил, но люди, исповедующие ее, остались, и среди них не только бывшие члены КПСС, но и многие беспартийные. И вся фантазматическая наша эпоха заключается в том, что к строительству капитализма лихо приступили быстрее, прозревшие бывшие коммунисты из числа наиболее смекалистых, моментально понявших, что на «красном поплавке» у власти не удержившись, а потому сразу же расставшихся с заветной красной книжечкой, так согревавшей сердца совсем недавно.

Честно говоря, меня эта скоропалительность малость смущает. Кстати, это говорит, что идея-то померла давным-давно, что не ей, а мамоне служили эти люди. И неверно я, видимо, уронил слово «исповедующие». Нет таких. Есть те, кто с ее помощью надеются снова прийти к власти и влезть опять на потерянное кресло. Однако, думаю, мне, это гораздо страшнее: идеология голого карьеризма, патологической жадности власти ничуть не лучше коммунистической идеологии, которая была хоть покрыта каким-то флером из красивых и правильных слов.

Все семьдесят лет советской власти деньги мало что стоили, все жизненные блага давала лишь власть, должность, положение на иерархической лестнице. Так называемый простой советский человек не мог понасть даже в гостиницу, ежели не имел служебной брони. Только два первых автомобиля я купил нормально в магазине, остальные лишь тогда, когда появились льготы для ветеранов войны, а последний — став членом Союза писателей. Поэтому нечего удивляться, что в стране давно уже процветает дикий карьеризм.

Потому-то, наверно, очень наивной представляется мне наша вера в новоиспеченных демократов. Во всяком случае, экономическую реформу они начали чисто по-большевистски, по-ленински — «ввязаться в драку, а там видно будет». Не учтя очень многих факторов: и ментальности народа, и его привычки хоть к какой-то, но социальной защите в виде бесплатного образования, бесплатной медицины, к определенной уравниловке в доходах, к какому-то статус-кво в своем социальном положении, хотя бы в уверенности в том, что сбережения никто не отберет. И надо признать, что денежная реформа конца 1947 года была более или менее справедлива, только вклады более десяти тысяч (сумма тогда огромная) уменьшались в десять раз. Да и понимал народ, что в войну накопить деньги могли лишь спекулянты. Основная масса людей за те годы распродала все, что имела, или поменяла на продукты.

По той же большевистской привычке, возложив все тяготы реформы на плечи народа, новая власть не пожелала делить трудности с рядовыми гражданами, установив себе оклады, превышающие минимальную зарплату в девять

раз. Так называемая «шоковая терапия» обернулась самой настоящей хирургией, да еще без наркоза.

Я довольно часто критиковал правительство именно за это, понимая, что как раз небрежение социальной политикой является главным аргументом оппозиции. Почему правительство не учло этого, мне трудно уразуметь, это же было так очевидно!

К сожалению, позиция интеллигенции к правительству и его экономической политике была довольно пассивной. Она, может, безропотнее, чем остальные, приняла тяготы преобразований, так как глубже понимала их необходимость. К тому же опасалась того, что своей критикой правительства как бы станет подголоском «красно-коричневым». Скажу, что не все газеты принимали мои статьи с критикой правительства, а после каждой опубликованной статьи на меня обрушивались телефонные звонки ряда знакомых, упрекавших меня, что подпеваю оппозиции и чуть ли не хочу возвращения старого... Конечно, понятна в какой-то мере такая реакция. Впервые в жизни мы избрали президента, и нам хотелось верить в него безоговорочно, но эта извечная вера в доброго и хорошего царя-батюшку часто подводила нас. (Не она ли помогла Сталину создать свой культ?)

Думаю, если бы интеллигенция смелее критиковала правительство и президента еще в первые месяцы реформы, возможно, они как-то скорректировали бы социальные последствия реформ и отняли козыри у оппозиции.

Для меня сейчас, как никогда раньше, стало ясно, что нельзя идеализировать никакую власть. К ней приходят люди определенного психологического склада, часто не самодостаточные, нуждающиеся во власти для своего самосоусуществления. К тому же властолюбие, что ни говори, страстишка не очень высокого пошиба, а потому ее жаждали и жаждут многие. Вот и Травкин, который в давних интервью, когда его спрашивали о возможностях стать президентом, обеими руками отмахивался, говоря — куда мне, бывшему бригадир, — сегодня уже не исключает такого варианта. А что, не боги же горшки обжигают! — успокаивают себя многочисленные претенденты на престол, заполняющие зал Кремлевского дворца.

Люди власти и интеллигенция всегда будут находиться в конфронтации, слишком антагонистичны они и по архетипам, и по своим устремлениям. Подлинная интеллигенция всегда самодостаточна, и ей не нужно никаких подпорок для самосоусуществления, и потому она не подвержена страсти властолюбия, свободна от нее. И уже только этим ненавидима, а может, и презираема людьми власти, которые в глубине своей души не могут не осознавать невысокость своей страсти, зависимость от нее.

Думаю, мы слишком долго находились после августа в эйфории, которая и подвигла нас на полный альянс с властью придержащими, а они, слыша критику только из одного лагеря, и отмахивались от нее, как от надоедливой мухи. Вот и попали теперь в такое сложное положение, которое вообще грозит срывом реформ...

Да, мы сейчас насквозь политизированы, мы мечемся, пытаемся решить отнюдь не главные вопросы собственного бытия.

Может быть, и не зря упрекают интеллигенцию сейчас резвые молодые критики в том, что она, дескать, истощила себя, что нет у нее никаких новых идей, что она крутится все время вокруг давно устаревших истин, что ее политизированность сыграла с ней плохую шутку? Надеюсь все-таки, что это не так. А вот нужны ли какие-то новые идеи — не знаю. Одну новую мы уже попробовали и испытали на собственной, как говорится, шкуре, которая ободрана до костей. Не пришла ли пора вернуться к идеям старым и вечным, которые человечество так и не смогло осуществить, но без которых нет ни мира, ни человека. И, наверно, пока в мире есть зло и несправедливость, интеллигенция должна и обязана возвышать свой голос. И «не могу молчать», сказанное когда-то большим русским писателем, должно всегда вырываться наружу, когда плохо твоему народу, когда нарушаются его права, когда искажаются извечные нравственные истины... И здоровый скепсис по отношению к властям, предрержавшим не должны покидать нас никогда. Мы должны знать и помнить, что люди Олимпа не всегда озоболены лишь благом народа.